

Не нужны учебники истории — доказывает выставка Ильи Глазунова

Моск. правда. — 1994. — 15 июля. — С. 4.

Илья Глазунов никому не уступит в популярности, которая держится уже много десятилетий. И каждый имеет о нем собственное мнение. Суждения о Глазунове всегда полярные: от восторгов и восхищений до полного неприятия. Ничего удивительного: так же противоречиво его творчество.

С одной стороны, отточенное мастерство во владении кистью, великолепная графика, значительность содержания и информации, которые заложены в крупных эпических работах, обращение к нашим истокам. С другой стороны, идеализация Древней Руси, претензии на особую духовность, искусственность художественных образов, прозрачность символов, повторяющиеся мотивы, создающие впечатление однообразия, натянутости, заданности.

Так же неоднозначна личность самого художника. Объявляя себя антисоветчиком, оппозиционно настроенным к власти, смело поместив в «Мистерию XX века» Сахарова и Солженицына, (картина эта 20 лет не выставлялась), Глазунов между тем никогда не был подпольным художником, всегда обласан и замечен в верхах, выставки его проходят в крупнейших залах при поддержке власти и большом скоплении народа, затмевая прочие экспозиции, становясь заметным явлением в культурной жизни.

Глазунов остро чувствует зрителя, время и запросы общества. Поэтому можно констатировать социальный заказ в его произведениях, своеобразную конъюнктуру: Илья Сергеевич попадает в самую точку массовых зрительских интересов. К тому же он ясен

и прост, его картины прочтываются легко, они не нуждаются в домысливании, в сотворчестве. В то же время произведения Глазунова имеют большую познавательную ценность, и эту просветительскую направленность его творчества нельзя не заметить.

Вряд ли следует подходить к работам Глазунова с мерой художественности. В его произведениях интеллектуальное доминирует над эмоциональным, личным. И особенного, субъективного художественного мира в картинах Ильи Сергеевича не найти. Зато есть другой мир — мир эпический.

Я бы отбросила обвинения в «литературности», а признала эту самую «литературность» характерной особенностью, свойственной творческой манере Глазунова. Иллюстрации в творчестве Глазунова собственно не иллюстрации, а самостоятельные графические работы по мотивам русской классики. Блоковский цикл, серия работ, посвященная творчеству Достоевского, иллюстрации к романам Куприна, Мельникова-Печерского — самая сильная сторона творчества Глазунова.

Принято считать, что обращение к истории, нашим истокам — открытие И. Глазунова. Однако в конце 60-х это проявилось во всех видах искусства. И если в картинах Д. Васильева, А. Харитонova чувствуется душа, откровение художника, то у И. Глазунова все работы эпичны, в них — исторически обоснованные попытки отразить развитие России, представить как деструктивные, так и позитивные движущие силы нашей истории... Почти одновременно с Глазуновым возникает, к при-

меру, образ Бояна у поэта В. Сосноры (в «Последних песнях Бояна»). И разница подходов очевидна: у Сосноры — глубокая исповедь автора, у Глазунова — лишь воссоздание эпического облика древнерусского певца.

Каждая сюжетная картина — это роман, где есть все элементы, начиная от завязки и кончая финалом. Причем сохраняется протяженность действия во времени и пространстве, как в романе. И если продолжить аналогию живописи Глазунова с художественной литературой, то огромные полотна художника напоминают самый крупный жанр — эпопею.

Не нужны учебники и карты, достаточно изучить картины Глазунова. Лучшей иллюстрации нашей истории на найти. Она предстает в работах Глазунова в изображении конкретных исторических событий, в персоналиях, в символах духовного развития — иконах, храмах. 174 фигуры выпи-

саны в картине «Вечная Русь»! А еще образы народной массы (миллионы репрессированных, к примеру), «островки» российской государственности — Москва, Великий Новгород...

Интересно, что и публика зачастую рассматривает картины Глазунова не с художественной, а с познавательной стороны. Но однажды получив ключ (к картине «Вечная Русь» есть схема — кто где изображен), зрители привычно открывают этим ключом другие картины. Последнее эпическое полотно «Моя жизнь», выполненное к этой выставке, — итог раздумий художника о своей жизни, о своем месте, о своих ценностных ориентирах. Но стоят у картины зрители и по-прежнему решают — кто есть кто...

Алла УМАНСКАЯ.

На репродукциях А. Эпштейна картины Ильи Глазунова «Шлагбаум», 1994, и «Зов сатаны», 1992.

